

**Административно-территориальные преобразования
в степном Предкавказье в 1860 году**

Сергей Степанович Белоусов

Институт социально-экономических и гуманитарных исследований ЮНЦ РАН, Россия
кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник
E-mail: sbelousovelista@mail.ru

Аннотация. В статье анализируются административно-территориальные преобразования на территории Северного Предкавказья в 1860 году. Рассмотрены причины и факторы, вызвавшие преобразования, их последствия, правительственная политика. Работа написана преимущественно на архивных материалах, впервые введенных в научный оборот.

Ключевые слова: Степное Предкавказье, калмыки, туркмены, ногайцы, межэтнические взаимодействия, административно-территориальные изменения.

УДК 325. 4

1860 год является важным рубежом в истории административно-территориального устройства в Степном Предкавказье и в целом на Северном Кавказе. В этом году вышли законодательные акты, определившие более чем на полвека конфигурацию границ и состав административно-территориальных образований региона. В историографии данная проблема изучена недостаточно, особенно преобразований в степной части Юга России. Исследователи обычно ограничиваются только констатацией факта территориальных изменений в 1860 г. в Степном Предкавказье, но не объясняют их причин и мотивов. Между тем знать их необходимо, поскольку территориальный аспект управления является важнейшим во внутренней политике любого государства, от которого в немалой степени зависит стабильность политической ситуации в регионе.

Административные перемены 1860 г. на Северном Кавказе были вызваны завершением активных военных действий по присоединению края России. В 1859 году русскими войсками был пленён Шамиль, и организованное сопротивление горцев было сломлено. Отдельные горские отряды повстанцев продолжали сопротивление, но их действия были спорадическими, разрозненными и не могли переломить ситуации. Завершение процесса завоевания Северного Кавказа поставило в повестку дня правительственной политики задачу постепенного перехода от военного управления к гражданскому, которое должно было способствовать достижению главной цели имперской политики – интеграции горских и кочевых сообществ в русскую цивилизацию. Важным шагом в этом направлении стало упразднение Кавказской линии и разделение территории Северного Кавказа на несколько административных единиц: Ставропольскую губернию, Кубанскую, Терскую и Дагестанскую области, между которыми были установлены новые административные границы.

В 1860 г. административно-территориальные преобразования были проведены в районе административной границы между Ставропольской и Астраханской губерниями. Они коснулись территорий кочевания калмыков, туркмен и ногайцев и были вызваны необходимостью урегулирования земельных споров и упорядочения управления. Чтобы понять суть данной проблемы, необходимо обратиться к предыстории вопроса.

19 мая 1806 года император Александр I подписал указ «О назначении земель калмыкам и другим кочующим народам в губерниях Астраханской и Кавказской», который впервые определил юридический статус и границы калмыцких и казахских кочевий на Нижней Волге и в Степном Предкавказье. Наибольшее количество земли (более 12 млн десятин) по указу отводилось калмыкам, чьи кочевья были разбросаны на огромном степном пространстве между водными бассейнами Волги, Каспия, Кумы, Большого Егорлыка и Дона.

К югу от устья реки Волга граница калмыцких земель была установлена по берегу Каспийского моря, по нижнему течению р. Кумы до деревни Владимировки, далее по речке Мокрая Буйвола, правому притоку Большого Егорлыка, по рекам Малой и Большой

Кегультами. От устья Большого Егорлыка граница делала небольшой поворот по Маньчу на восток и затем вдоль восточных пределов Войска Донского подходила к земельным наделам селений Цаца, Большие Чапурники, Светлый Яр, Рай-Городок [1, с. 67].

На отведённых калмыкам землях лицам некалмыцкого происхождения запрещалось без ведома правительства селиться и пользоваться ими. Особо в упомянутом указе оговаривались взаимоотношения калмыков и тех народов, которые издавна кочевали с калмыками на одной территории. Среди них право кочевать на калмыцких землях «по следам» калмыков получили юртовские татары (ногайцы) и кавказские туркмены. Последним разрешили кочевать весной и летом с калмыками в целях сохранения своих стад от овода, которого было очень много в районе реки Кумы и в Мочагах, где располагались основные кочевья туркмен. Осенью и зимой туркмены должны были откочёвывать за р. Куму, которая была определена в качестве административной границы между калмыками и мусульманскими кочевыми народами.

Большинство кавказских туркмен до 1771 г. являлись подданными калмыцких ханов и наместников и во время побега были уведены калмыками в Джунгарию, но часть их сумела отколоться от беглецов и вернуться в Астраханскую губернию. Возвратившихся туркмен освободили из-под власти калмыцкой знати и поселили в Кавказской области на правом берегу реки Кумы на пространстве от урочища «Джилан» до Каспийского моря. На этой территории размером в 90 вёрст в длину и 50 вёрст в ширину туркмены кочевали осенью и зимой, а весной с появлением овода переходили со своими стадами на левый берег р. Кумы и до осени располагались кочевьями на землях калмыков. В 1808–1809 гг. кавказские туркмены насчитывали 836 кибиток, принадлежавших Чавдурову, Игдырову, Суюджаджиеву и Киргизскому родам [2, с. 204]. В последующие годы численность туркмен вследствие хорошего демографического прироста и прихода новых групп росла очень быстрыми темпами и в 1837 г. достигла 1892 кибиток, в которых числилось 9510 человек [3, л. 26]. Резко увеличившись в численности, туркмены стали активно захватывать лучшие пастбищные места калмыков и кочевать на калмыцких землях круглогодично, что им категорически запрещалось законом.

Много беспокойств доставляли калмыкам также едишкульские, едисанские и джембойлукские ногайцы. В 1785 г. их по приказу Г.А. Потёмкина вывели с Кубани и поселили в Кизлярской степи между караногайцами, однако пробыли они там недолго. Под давлением караногайцев джембойлукцы и едисанцы в 1799 году перешли на урочище Ачикулак, позже к ним присоединилась ещё часть ногайцев. В первые годы XIX в. эти ногайцы в количестве 724 кибиток кочевали зимой на правом берегу р. Кумы вблизи деревни Владимировки, а летом переходили на её левый берег на калмыцкую сторону в урочище Ачикулак.

Другая группа ногайцев-джембойлуковцев из числа бешпаргирских ногайцев кочевала вдоль р. Калауса в районе, прилегавшем к Большедербетовскому улусу. В 1832 г. для кочевавших в низовьях рек Калауса, Кугульты, Барханчака ногайцев было образовано Калаусо-Джембойлукское приставство и установлена административная граница с Большедербетовским улусом [2, с. 88].

Почти сразу же с установлением пограничной межи ногайцы начали переходить её и совершать набеги на калмыков и жителей окружающих Большедербетовский улус селений, причина им, по словам владельца улуса О. Хапчукова, «смертоубийства и грабежи» [4, л. 20б.].

Свои набеги ногайцы нередко координировали с действиями враждебно настроенных по отношению к России закубанских черкесов, с которыми они вместе нападали на мирное население, а в случае необходимости укрывали последних в своих кочевьях.

Астраханские власти и калмыки неоднократно обращались к кавказской администрации, в чьём ведомстве состояли ногайцы и туркмены, с просьбой принять меры к удержанию этих народов от набегов и восстановить законность, но какого-либо эффекта это не давало. Медлительность кавказской администрации в этом вопросе отчасти можно понять: вывод мусульман-кочевников с калмыцких земель предполагал наделение их территорией в других местах, а таких свободных земель в Кавказской области уже почти не осталось. Между тем решать эту проблему надо было как можно быстрее, ибо мусульманское население калмыцких земель Кавказской области росло очень быстро. По данным Главного попечителя калмыцкого народа А.М. Фадеева, собранным им в 1837 г., их численность на тот год составила 71312 человек (11497 кибиток), что было намного больше числа калмыков

Кавказской области [5, л. 59 об.]. Им принадлежали 69999 лошадей, 7497 верблюдов, 162014 голов крупного рогатого скота, 332004 овец [5, л. 60], большая часть которых выпасалась на калмыцких землях. По приблизительным подсчётам, ногайцы и туркмены пользовались не менее полутора миллионами десятин калмыцкой земли [5, л. 29].

Благодаря своему численному перевесу кавказские мусульмане-кочевники вели себя как полноправные хозяева земель кавказских калмыков и постепенно вытесняли последних с принадлежавших им земель. В результате этого в ряде мест калмыки стали ощущать недостаток в хороших пастбищах, а в Большедербетовском улусе дело даже дошло до того, что несколько калмыцких родов вынуждены были уходить на зимовку в дачи крестьянских селений [3, л. 30].

Ногайцы и туркмены вели себя агрессивно и в отношении местных властей: они отказывались выполнять их законные требования и нередко угрожали им расправой. Один раз они даже напали на ставку Яндыко-Мочажного улуса, где находились попечитель этого улуса с калмыками и казаками, в другой раз они схватили помощника попечителя Малодербетовского улуса Бачея. Находившиеся с ним калмыки и казаки были избиты, а с Бачея мусульмане под угрозой убийства взяли подписку об отсутствии у него претензий к ним [6, л. 196].

Постоянное нарушение положений закона мусульманскими кочевыми народами заставило калмыцкую администрацию пересмотреть своё отношение к совместному кочеванию и инициировать процесс по его отмене. 17 сентября 1837 года Главный попечитель калмыцкого народа А.Фадеев в своём докладе в Министерство внутренних дел о проекте перевода калмыков на осёдлость, предложил отвести туркменам и юртовским татарам определённую территорию для проживания и тем самым положить конец их пользованию калмыцкими землями [3, л. 36 об.].

Необходимость этой меры осознали и в правительственных кругах, но из-за начавшейся реорганизации управления калмыцким народом воплощение её в жизнь затянулось на многие годы.

В конце 1840-х гг. отношения калмыков с мусульманскими кочевыми народами на почве землепользования обострились ещё больше. Особенно тяжёлая обстановка сложилась в южной долине Маныча, где кочевали калмыки отдельной части Малодербетовского и Эркетеневского улусов. Установленный здесь в 1806 г. порядок кочевания туркмен и ногайцев «по следам» калмыков к середине XIX в. привёл к фактической утрате последними контроля над своей территорией. Быстрый и неконтролируемый рост в этом районе мусульманского населения привёл к смене этнокультурного облика обширнейшего региона, охватывавшего степи междуречья рек Калауса, Мокрой и Сухой Буйволы, Кумы и Маныча. Значительно превосходя местных калмыков своей численностью и пользуясь отсутствием надлежащего надзора за землями отдельной части Малодербетовского улуса со стороны калмыцкой администрации, туркмены и ногайцы в нарушение закона заняли все лучшие места степи и постепенно вытеснили калмыков к северу за Маныч, в пределы Астраханской губернии. Иногда туркмены и ногайцы, чтобы вынудить калмыков покинуть свои места, перед уходом на зимовку за реку Куму, под предлогом удобрения земли, поджигали степь, лишая тем самым калмыцкий скот зимних кормов [7, л. 6].

Утвердившись на калмыцкой территории, они стали вести себя на ней как полноправные хозяева, переименовывая калмыцкие названия местности на свои и даже сдавая калмыцкие земли в аренду крестьянам. Полученные за аренду деньги они обращали в свою пользу, причём всё это происходило при попустительстве, а иногда и участии ставропольской администрации. Для примера укажем, что только в 1848 г. туркменский пристав собрал с крестьян за аренду калмыцких земель и передал туркменам 3308 рублей 88 коп. [8, л. 197б.]

Отдавая калмыцкие земли в оброк крестьянам близлежащих селений, туркмены и ногайцы углублялись дальше в степь, занимая другие земли. В 1840-е гг. они всё чаще стали переходить административную границу с Астраханской губернией и кочевать на землях Икицохуровского и Эркетеневского улусов [8, л. 192]. Власти были бессильны пресечь эти и другие попытки незаконного пользования калмыцкими землями, потому что центральное калмыцкое управление и управление Малодербетовским улусом находились за несколько сотен вёрст от места событий. За положение дел в отдельной части Малодербетовского улуса отвечал помощник попечителя этого улуса, однако из-за огромных размеров вверенной ему территории он был просто не в состоянии полностью её контролировать.

Ещё больше скота выпасалось посторонними лицами на калмыцких землях нелегально. 16 июня 1849 г. в письме в I департамент МГИ Главный попечитель калмыцкого народа, делаясь своими впечатлениями от посещения отдельной части Малодербетовского улуса, писал, что её степи «покрыты табунами лошадей и стадами рогатого скота соседственных помещиков и казённых крестьян, и всё это делается так свободно – как бы калмыцкая земля была общею собственностью» [7, л. 7].

Эффективно бороться с незаконным использованием калмыцкими землями калмыцкая администрация не могла и по той причине, что Большедербетовский улус и отдельная часть Малодербетовского улуса территориально входили в состав Ставропольской губернии, но в административном отношении подчинялись астраханской администрации. Это создавало большие неудобства со стороны астраханской администрации в управлении ставропольскими калмыками и постоянно порождало бесконечные споры о полномочиях между властями двух губерний. В таком же положении находились туркмены и ногайцы, которые, наоборот, в административном отношении подчинялись ставропольским властям, а в земельном – астраханским.

Логика противостояния между администрациями двух губерний, с одной стороны, и усиление вследствие неурегулированности земельного вопроса межэтнической напряжённости, с другой, – в конечном итоге поставили высшее руководство страны перед необходимостью разрешения этих двух взаимосвязанных проблем.

В 1860 году калмыцкие земли Ставропольской губернии были изъяты из ведения астраханских властей и переданы под управление ставропольских. В их юрисдикцию отошли 872377 дес. 1900 саж. земли Большедербетовского улуса, 1102797 млн дес. 450 саж. отдельной части Малодербетовского улуса и участок калмыцкой земли между р. Гайдуком и р. Кумою в количестве 266666 дес. 1600 саж. – всего 2241841 млн дес. 1550 саж. калмыцкой земли [9, л. 5 об.].

В результате этих перемен несколько изменила свою конфигурацию административная граница между Ставропольской и Астраханской губерниями, в частности она была сдвинута в пользу Ставропольской губернии с нижнего течения р. Кумы на её правый проток – р. Гайдук.

Калмыкам отдельной части Малодербетовского улуса предоставили право выбора: переселиться в Астраханскую губернию или остаться на старом месте. Большинство из них предпочли присоединиться к своим астраханским сородичам, однако, когда наступило время переселения, то они, сославшись на вспыхнувшую у их скота болезнь, отказались немедленно покинуть Ставропольскую губернию. 22 ноября 1860 г. заведующий отдельной частью Малодербетовского улуса доносил Главному приставу кочующих народов Ставропольской губернии о том, что калмыки, несмотря на данное ими обещание, продолжают оставаться на своих местах и что численность их даже увеличилась за счёт прикочевавших из-за Маныча новых групп [10, л. 65 об.]. По оценке Главного пристава, в середине 1861 г. в отдельной части Малодербетовского улуса кочевали более тысячи калмыцких кибито, и ещё до 200 кибиток находились в городах и сёлах Ставрополя на заработках [10, л. 84 об.]. Чтобы заставить их перейти в пределы Астраханской губернии, ставропольской администрации пришлось предпринять ряд мер административного характера, в результате которых удалось в ноябре 1861 г. вывести в Астраханскую губернию до 700 калмыцких семей.

После переселения калмыков в Астраханскую губернию отдельная часть Малодербетовского улуса утратила свой прежний административный статус, а её территория была разделена между туркменами, ногайцами и прибывшими на поселение в Ставропольскую губернию крестьянами-переселенцами. На бывших калмыцких землях были образовано Трухменское приставство и возникли новые крестьянские поселения.

Иначе сложилась судьба Большедербетовского улуса, который сохранил статус калмыцкой административно-территориальной единицы и своё управление. На момент своего переподчинения ставропольским властям в нём числилось 872323 дес. 1000 саж. земли и 5123 человек калмыцкого населения [11, с. 99]. По подсчётам А. Лебединского, в Большедербетовском улусе на одного человека приходилось по 170 десятин, что свидетельствовало о крайне низкой плотности его населения. Малочисленность калмыцкого населения при наличии большого массива плодородных земель по большому счёту преопределила будущее улуса. Почти сразу же после завершения перевода Большедербетовского улуса под юрисдикцию ставропольской администрации начались

изъятия его земель для наделения ею новых переселенческих сёл и старожильческих селений. Уже в 1861 г. площадь улуса сократилась с 872323 дес. до 600 тыс. дес., а к 1891 г. – до 289835 дес. [12, с. 19-20].

Передача земель калмыцких кочевий южной долины Маныча в административное подчинение ставропольским властям привело к ликвидации по существу двойного управления данной территорией. Принимая решение в пользу Ставропольской губернии, правительство исходило из административных соображений: передаваемые земли были ближе к г. Ставрополю, чем к г. Астрахани. В результате административно-территориальных преобразований 1860-х гг. калмыки утратили значительную часть своих земель, отведённых им по императорскому указу 1806 г. Земельные потери, которые понесли калмыки, являлись следствием изменения этнокультурной обстановки в рассматриваемом районе. В первой половине XIX в. калмыки утратили своё численное превосходство в отдельной части Малодербетовского улуса и доминирующим населением здесь стали туркмены, постепенно вытеснившие калмыков за Маныч. Это обстоятельство, несомненно, сыграло ключевую роль при принятии правительством решения о передаче части калмыцких земель в пользование туркмен-кочевников.

Примечания:

1. Борисенко И.В. Очерки исторической географии Калмыкии. Дореволюционный период. Элиста, 1991.
2. Волкова Н.Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – начале XX вв. М., 1974.
3. Национальный архив Республики Калмыкия (далее – НАРК). Ф. И-7. Оп. 4. Д. 11.
4. НАРК. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 125.
5. Российский государственный исторический архив (г. Санкт-Петербург) (далее – РГИА). Ф. 383. Оп. 29. Д. 135.
6. НАРК. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 53.
7. РГИА. Ф. 383. Оп. 12. Д. 12356.
8. НАРК. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 53.
9. НАРК. Р-145. Оп. 1. Д. 2.
10. НАРК. Ф. И-15. Оп. 2. Д. 206.
11. Лебединский А. Большедербетовский улус во второй половине XIX века // Калмыцкая область. Астрахань, 1925. № 2.
12. Львовский Н. Калмыки Большедербетовского улуса Ставропольской губернии. Казань, 1894.

**Administrative-territorial Transformations within
Steppe Pre-Caucasian Region in 1860**

Sergey S. Belousov

Institute of Social-Economic and Humanitarian Research of Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Russia
PhD (History), Assistant Professor, Senior Researcher
E-mail: sbelousovelista@mail.ru

Abstract. The article analyses administrative-territorial transformations within Pre-Caucasian Region in 1860, considers reasons and factors, caused the transformations, their consequences and government policy. The contribution is mainly based on archive materials, having been introduced into scientific use for the first time.

Keywords: Steppe Pre-Caucasian Region, the Kalmyks, the Turkmen, the Nogays, interethnic interactions, administrative-territorial transformations.

UDC 325.4